

И. В. Ермолин, Л. Сволкина, П. Э. Суворков, Дж. Холмс, С. Дж. Гудман

Методологические вызовы полевых исследований нелегального рынка биоресурсов¹

ЕРМОЛИН Илья Васильевич — кандидат политических наук, доцент Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 192148, Россия, Санкт-Петербург, ул. Седова, д. 55, корп. 2.

Email: iermolin@hse.ru

Статья представляет собой анализ вызовов, с которыми столкнулись авторы в ходе многолетнего полевого исследования (2012–2020 гг.) крайне чувствительной темы жёстких форм криминальной экономической деятельности в регионах Каспийского водного бассейна. Авторы коснулись следующих тем: персональные риски и вопросы безопасности, связанные с деятельностью силовых структур; рекрутирование и тренинг местных ассистентов и студентов вуза; межпоколенческий и гендерный разрыв между респондентами и исследователем; влияние предыдущей работы исследователя на развитие дальнейшей работы в местах исследования; сетевая плотность рыночных звеньев и скорость передачи информации между ними; влияние смены правовых режимов на текущие исследования. Авторы подчеркивают влияние плохой исследовательской инфраструктуры в регионе изучения и слабую осведомлённость местного населения о научной и академической работе в целом и об экономико-социальных исследованиях в частности, проводившихся когда-либо в конкретной местности. Результаты показывают, что успешное изучение разных форм нелегальной экономической деятельности зависит, во-первых, от приемлемой в локальном сообществе (легитимной) идентичности исследователя, когда он воспринимается как член сообщества; во-вторых, от необходимости принимать во внимание гендерные особенности проведения полевых работ, что продиктовано в том числе усложнением структуры социального взаимодействия в разных социально-культурных условиях. Кроме того, важнейшее место занимают затраченные на проведение полевых экспедиций время и финансирование, что связано со степенью нелегальности экономической деятельности, осуществляемой конкретной социальной группой или группами.

Ключевые слова: нелегальный рынок; методология полевого исследования; Каспийский водный бассейн; персональные риски и вопросы безопасности; идентичность исследователя; гендерный разрыв; межпоколенческий разрыв; финансирование исследования; распределение времени.

Введение

Полевое исследование в социологии нелегальных рынков представляет особый интерес для экономических социологов. Причины видятся, во-первых,

¹ Исследование было поддержано грантом Комитета по исследованиям Национального географического общества США (US National Geographic Society, Grant no W 271-13), грантом Фонда сохранения видов Мохаммеда бин Зайеда (Mohamed bin Zayed Species Conservation Fund, Grant no. 13257683, Grant no 12253827), грантом Комиссии по морским млекопитающим Правительства США (US Marine Mammals Commission Research Grant; <https://www.mmc.gov/grants-and-research-survey/grant-awards/2018-grant-awards/>).

СВОЛКИНАС Линас — аспирант Института проблем устойчивого развития при Школе изучения Земли и окружающей среды и Школы биологии Университета Лидса, Англия. Адрес: LS2 9JT, Великобритания, Лидс, ул. Вудхаус-Лейн.

Email: eelsv@leeds.ac.uk

ГУДМАН Саймон Дж. — лектор, PhD по генетике, Школа биологии Университета Лидса, Англия. Адрес: LS2 9JT, Великобритания, Лидс, ул. Вудхаус-Лейн.

Email: S.J.Goodman@leeds.ac.uk

в латентной природе феноменов неформальной (даже более того, криминальной) экономики, когда исследователи, находясь часто в экстремальных условиях, вынуждены постоянно применять новые или же усовершенствованные методологические орудия сбора данных и информации [Sandberg, Copes 2013]. Во-вторых, латентность социально-экономических практик определяет рынок «оспариваемых» товаров (продажа человеческих органов, проституция, генно-модифицированные продукты, ценные биоресурсы и т. д.) [Radin 1996; Steiner, Trespeuch 2019] как товаров, бросающих моральные вызовы участникам рынка. Это особенно актуально в условиях преобладания этноцентрической оценки ресурса, когда разные этнические группы, специализирующиеся на различных рыночных операциях, имеют собственное социально-культурное восприятие новых (особенно сдерживающих) регулятивных нормативно-правовых актов (НПА). В-третьих, восприятие ценности ресурса поднимает проблему координации триады (кооперация, ценность и конкуренция) [Beckert, Wehinger 2013] при переходе рынка в криминальное состояние, поскольку со стороны государства бросается прямой вызов легитимности рыночных операций, которые до этого перехода считались допустимыми целиком либо частично. Переход в криминальное состояние вкупе с моральной нагруженностью «оспариваемых» товаров заставляет исследователя постоянно учитывать этическую составляющую методологического поиска, не всегда соответствующую общепринятым нормам проведения полевых исследований [Blackman 2007].

Вызовы² как специальная тема для дискуссий в статьях, посвящённых исследованиям нелегальных рынков биоресурсов, редко привлекают внимание ученых-обществоведов (см. подробнее: [Hübschle 2015]). Тем не менее, многие исследователи описывают (в теле основной работы либо в дополнительных материалах к ней) стратегии полевых исследований, в том числе и вызовов. Обычно такие описания касаются первого звена рынка — браконьерства, в основном поднимают вопрос развития доверия в отношениях респондента (информанта) и исследователя [Hampshire et al. 2004; Bell, Hampshire, Topalidou 2007; Hübschle 2015; Ermolin, Svolkinas 2018]. В российской социологической и антропологической литературе лишь недавно появились первые исследования нелегального рынка биоресурсов — как браконьерства, то есть первого звена потребительской цепи, так и остальных звеньев. Этой теме были посвящены специальный выпуск журнала «Этнографическое обозрение», опубликовавший материалы исследований Севера России и Сибири [Васильева 2019; Гаврилова 2019; Давыдов, Журавская 2019; Рахманова 2019]. Отдельные исследования проводились на юге страны [Ермолин 2019]. Как бы то ни было, информация про вызовы исследования и стратегии их преодоления в данных статьях либо вовсе не представлена, либо дается в крайне малых объемах (см. статьи К. А. Гавриловой и особенно И. В. Ермолина, где стратегия и методология полевого исследования подробно разобраны в приложении: [Гаврилова 2019: 14; Ермолин 2019: 107–108]).

² Под вызовами подразумеваются препятствия, с которыми пришлось столкнуться во время проведения полевого этапа исследования. Источниками такого рода препятствий стали факторы либо внешние для объекта исследования, либо внутренние, порожденные самой структурой исследования, ее динамикой.

ХОЛМС Джордж — доцент, PhD по географии, Институт проблем устойчивого развития при Школе изучения Земли и окружающей среды Университета Лидса, Англия. Адрес: LS2 9JT, Великобритания, Лидс, ул. Вудхаус-Лейн.

Email: G.Holmes@leeds.ac.uk

СУВОРКОВ Павел Эдуардович — стажёр-исследователь, Институт демографии (ИДЕМ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: psuvorkov@hse.ru

Таким образом, целью данной статьи является анализ вызовов, с которыми авторы³ столкнулись в ходе многолетнего (2012–2019 гг.) полевого исследования нелегального рынка осетровых и дериватов каспийского тюленя, прежде всего — в регионах Каспийского водного бассейна. Первая часть исследования (2012–2016 гг.) была посвящена исследованию осетрового браконьерства. Вторая часть (2017–2020 гг.) — прилову каспийского тюленя как социально-экономическому побочному продукту нелегальной ловли осетровых и последующему развитию нелегального рынка дериватов каспийского тюленя по всей России.

Авторы данной статьи решили расположить вызовы в хронологическом порядке — по мере их возникновения при проведении полевых работ на разных этапах (частях) исследования. Это поможет тем, кто находится в стадии разработки планов полевых исследований феноменов неформальной экономики в экстремальных условиях либо уже проводит исследование на начальных этапах. При таком подходе также более чётко видны (особенно при описании полевых исследований второй части, с 2016 г. начиная) специфические черты исследований в Северокавказском регионе — одном из самых этнически гетерогенных и дифференцированных по паттернам социально-экономических практик неформальной деятельности.

Можно выделить следующие вызовы:

- рекрутирование и тренинг местных ассистентов и студентов вуза; влияние ислама;
- персональные риски и вопросы безопасности, связанные с деятельностью силовых структур и ОПГ;
- влияние межпоколенческого и гендерного разрыва между респондентами и исследователем на развитие доверия в отношениях респондентов и исследователей;
- влияние сетевой плотности рыночных звеньев и скорости передачи информации между ними на проведение исследования;
- влияние смены правовых режимов на текущие исследования; фактор продолжительности пребывания в «поле».

Статья начинается с краткого описания площадок исследования, где уделяется внимание как географическим характеристикам мест, так и социаль-

³ На разных этапах в работу были включены разные исследователи, чьи имена далее в тексте обозначены инициалами, соответствующими именам авторов данной статьи: ДХ — Дж. Холмс; ИЕ — И. В. Ермолин; ЛС — Л. Сволкина; ПС — П. Э. Суворков; СГ — С. Дж. Гудман.

На первом этапе в полевую работу были вовлечены ИЕ и ЛС (в некоторые периоды времени был задействован только ИЕ). На втором этапе полевое исследование сначала проводилось ЛС на побережье Дагестана, затем в предгорных и горных районах Дагестана начали работать ИЕ и ПС. СГ и ДХ имели совещательные и аналитические функции.

но-экономическим и социально-культурным практикам в гетерогенной этнической среде изучаемой местности, а также моделям управления присущей данным регионам социально-экономической деятельностью. Далее следует описание дизайна исследования, где речь идет об основных методах, использованных в «поле». Основная часть статьи посвящена анализу обозначенных вызовов в контексте мирового опыта исследований. Затем последует дискуссия.

Локальные территории исследования

Полевая работа проводилась в трёх из пяти прикаспийских государствах — в России (2012–2019 гг.), Азербайджане (2013 г.) и Казахстане (2013 г.). Из этих трёх государств Казахстан располагает наиболее протяжённой прибрежной полосой Каспия (около 2320 км); за ним следует Азербайджан — около 955 км. Протяжённость прибрежной полосы России — около 695 км. С географической точки зрения примечателен тот факт, что основная нелегальная рыбопромысловая деятельность ведётся на мелководье у побережья Казахстана и дельты реки Волга: эта территория привлекает осетровые породы рыб в период нереста доступностью корма, а каспийского тюленя — ледниковыми лежбищами, необходимыми для размножения (осень, зима, весна) [Dmitrieva et al. 2013; Lattuada, Albrecht, Wilke 2019]. Наибольшее количество «осетровых» бригад — основных социальных групп, занимающихся нелегальным рыбодобывающим промыслом, — расположено в российских регионах Каспия (Дагестан и Астраханская область), а также в Азербайджане [Strukova, Guchgeldiyev 2010; Ermolin, Svolkinas 2016]. Соответственно, наибольший объём торговых операций нелегального рынка также осуществляется на территории данных регионов и затем уже распространяется на все регионы России и ближнего зарубежья [Svolkinas et al. 2020].

В то время как прикаспийская прибрежная зона Азербайджана отличается относительной этнической гомогенностью, три российских региона на уровне местных сообществ включают как относительно гомогенные этнические общности, так и множество сообществ с высокой степенью этнической гетерогенности. В Волго-Ахтубинской пойме и дельте Волги наряду с русскими преобладают казахи, в прибрежной полосе Республики Калмыкии казахи соседствуют с калмыками и русскими, но составляют значительное меньшинство. Самым этнически гетерогенным регионом исследования и всего Каспия является Дагестан, ставший нашей основной исследовательской базой с 2014 г. Гетерогенность в прибрежных поселениях Дагестана перекликается с относительной этнической гомогенностью предгорных и горных поселений, что связано в большой степени с процессами внутрирегиональной трудовой миграции. Такая специфика определила многоступенчатую систему адаптации исследователей к социально-культурным особенностям региона.

Регионам присущи и разные модели управления социально-экономической деятельностью в сфере прибрежного рыболовства, обусловленные в том числе фактором этнической гетерогенности. Единственно признаваемая государством модель регулирования рынка возобновляемых биоресурсов, характерная для всех регионов исследования, — это классическая модель сдерживания [Бентам 1998], которая основывается на допущении, что достаточно законодательных санкций, чтобы помешать желанию объектов регулирования любыми путями обойти предлагаемую норму регулирования [Grasmick, Bursik 1990]. В рамках данной модели в России и Казахстане, например, были введены рыбопромысловые участки (РПУ), с июня 2016 г. обозначаемые в России просто рыболовные участки и расширена пограничная зона (ПЗ), ставшая самостоятельным орудием управления хозяйственной деятельностью на прибрежных территориях (см. подробнее: [Ermolin, Svolkinas 2016]).

В Азербайджане широко распространена модель традиционного самоуправления, напоминающая системы, описанные Фикретом Беркесом при анализе прибрежного рыболовства в Турции [Berkes 1986] и Индии (система паду) [Lobe, Berkes 2004]. Рыбаки в таких случаях неформально разделяют реку или

даже море на участки и затем вылавливают рыбу. Однако, поскольку рыбодобывающая и рыбоперерабатывающая промышленность в Азербайджане — достаточно централизованная структура, в которой государство определяет неформальных контролёров за уловами, система традиционного самоуправления так и не смогла трансформироваться в классический коменеджмент, когда интересы государства и сообществ сбалансированы [Lim, Matsuda, Shigemi 1995]. Возникла следующая ситуация: если рыбак поймал рыбу осетровых пород (тем более с икрой), он сдавал ее государству и получал долю (которая, впрочем, всегда была меньше, чем цены на чёрном рынке), государство же закрывало глаза на запрещенный вылов осетровых и только по документам сдавало рыбу в научно-экспериментальные комплексы аквакультуры.

В качестве модели неформального самоуправления, основанной на эксплуатации биоресурсов и одновременно являющейся источником нелегального рынка биоресурсов, может рассматриваться «автономное» сообщество [Ермолин 2019: 86]. Такое сообщество состоит из социальных групп (эксплуатационных экономических структур [Шанин 1999]), возникших в результате системного политического и социально-экономического кризиса и на современном этапе представляющих собой относительно независимые от государства образования. Автономное сообщество получило распространение во всех отдалённых сельских местностях постсоветских стран.

Паттерны управления изменяются в зависимости от воздействия тех или иных внешних событий. Подобные изменения порождают феномен, получивший название ««оспариваемая» нелегальность». Согласно общему определению, «оспариваемая» нелегальность — это «механизм легитимизации, который акторы применяют для оправдания нелегальной экономической деятельности в нарушение писаного закона» [Hübschle 2015: 22]. Допускается, что в рамках конкретного звена нелегального рынка существует свой набор социальных норм, помогающий социальным группам легитимировать процесс коммодификации определённых товаров и услуг. Этот процесс далеко не всегда проходит гладко: во многих случаях члены групп должны преодолеть разные моральные преграды взаимодействия, а также противодействие со стороны государств, изменяющих правовые режимы регулирования конкретного блага, а иногда и использующие нелегальность рынков в своих целях [Портес 2003; Кузьминов et al. 2005]. Феномен коррупции является, таким образом, постоянным спутником нелегальных рынков и, с одной стороны, способствует решению проблем координации [Beckert, Wehinger 2013] местными органами исполнительной власти (ОИВ) и правоохранительными органами, а с другой, усложняет проблему несоблюдения регулятивных норм [Bunnefeld et al. 2013]. Коррупция как норма этапов социализации характерна для всех регионов исследования. Однако особенный характер она приобрела в Дагестане, где родовые (тухумные) отношения внутри этнических образований придали коррупции универсальный, но в то же время закрытый характер: вход в родовые группы практически закрыт, а социальная среда обуславливается фактическим развитием в рамках правового плюрализма [Казенин 2014].

Методология исследования

В данном исследовании мы применили следующие методы сбора данных на полевом этапе:

- краткие исследовательские визиты длительностью от трёх недель до двух месяцев (2012–2016 гг.); осуществлялись на территории всех регионов исследования;
- прямое наблюдение (постоянно в течение восьми лет); осуществлялось на территории всех регионов исследования;
- включённое наблюдение (от шести месяцев до полутора лет); осуществлялось на территории Дагестана (прибрежные районы Каспия, частично в горном районе);

- многоместная этнография (шесть месяцев); охватывала все три района Дагестана (прибрежные зоны, предгорье и горный район);
- разные типы интервью (постоянно в течение восьми лет); осуществлялись на территории всех регионов исследования;
- опрос домохозяйств (лето 2014 г., 2018–2019 гг.); охватывал прибрежные каспийские районы, а также горный район Дагестана);
- неформальная беседа (постоянно в течение восьми лет); осуществлялись на территории всех регионов исследования;
- фокус-группы (2012–2015 гг.); использовались в Волго-Ахтубинской пойме Астраханской области, во всех районах Дагестана.

Изначальная методологическая стратегия предполагала проведение интервью по заранее разработанной анкете в рамках социобиографического подхода [Рождественская 2012] и неформальных бесед. В 2013–2014 гг. состоялись первые фокус-группы, был проведён опрос домохозяйств и активно использован метод прямого наблюдения за товарными операциями с целью дальнейшего построения симуляционных моделей распределения времени на обработку шкур тюленя (см.: [Johnson 1978]). Наконец, с 2018 г. проводилось включённое наблюдение и реализовывался метод многоместной этнографии.

Вызовы: описание и анализ

Рекрутирование и тренинг местных ассистентов и студентов вуза

Начнём, как и было обозначено во введении, с первой темы — рекрутирование и тренинг местных ассистентов и студентов вуза, то есть с проблематизации выбора ассистентов для успешного выполнения поставленных в проекте задач. Как подчёркивают С. Сэндберг и Х. Коупс, «использование местных ассистентов, особенно из среды объекта исследования, предоставляет быстрый доступ к индивидам, активно занимающимся криминальной деятельностью. При этом такой доступ не зависит от воли официальных организаций или чиновников и помогает исследователю существенно сэкономить время на вход в поле» [Sandberg, Copes 2013]. В исследовании наркоторговцев и продавцов часто прибегают к такому входу, например, для интервьюирования семей обозначенных категорий криминала, одновременно считая этически приемлемыми оплату услуг ассистента-инсайдера и вознаграждение членам упомянутых семей за интервью [Dunlap, Johnson 1999]. Другой способ — тренинг студентов или аспирантов вузов (местных либо своего научно-образовательного учреждения) (см. подробнее про значимость тренинга студентов для полевой работы: [Hammersley, Atkinson 1995]).

Приступим к описанию нашей работы с местными ассистентами и студентами, отметив те сложности, которые были при их рекрутинге в Дагестане⁴. После двух первых экспедиций мы предприняли попытку

⁴ В других регионах Каспия мы редко пользовались услугами ассистентов. Так, в Азербайджане один из авторов данной статьи выходил на необходимых респондентов через друга семьи однокурсника, с которым вместе учился. В Калмыкии поиск респондентов и одновременно первоначальных информантов вёлся через социальные сети. В Астраханской области первый очень значимый контакт был получен через неофициальную работу одного из авторов. Затем уже через данное контактное лицо мы вышли на других информантов и респондентов. Дагестан — основной регион, находящийся в фокусе исследовательского внимания авторов данной статьи, поскольку является основным источником комплектования осетровых бригад, и, соответственно, именно здесь расположены наиболее развитые структуры рынка.

ки рекрутировать для первого этапа исследования в Дагестане студентов московских вузов. Вскоре мы столкнулись с трудностями изучения женского коллектива одного из рынков прибрежного Дагестана, где женщины занимались продажей мяса осетровых и жира тюленевых. Женский коллектив данного рынка был этнически гомогенным по составу и небольшим (13 человек); все участники хорошо друг друга знали и были в круговой долговой поруке. Нам в силу принадлежности мужскому полу на первом этапе исследования мешали нормы ислама, преобладающие на этой территории, серьёзно ограничивающие контакты женщины с мужчинами, не являющимися членами её рода. Таким образом, для входа на рынок нам требовалась девушка-студент. Однако попытки поиска студенток среди московских вузов оказались неудачными из-за страха участвовать в исследовании в Дагестане. Мешали также многочисленные слухи, информация в Интернете, плохая подготовка для работы в сложных социально-культурных и экономических условиях. В результате начались поиски местной ассистентки, которая смогла бы беспрепятственно наладить контакты в среде торговки на рынке и в то же время использовать специально разработанный для целей исследования вопросник. Случайным образом удалось познакомиться с потенциальным ассистентом — учительницей местной школы и одновременно продавщицей в семейном магазине, где мы покупали продукты. К сожалению, у нас было мало времени для полноценного тренинга ассистентки, и это привело к печальным результатам: опросы работниц рынка, записывавшиеся на диктофон, породили типичную ошибку новичков — подсказку ответов респондентам, то есть наша ассистентка направляла респондентов на желанную для неё траекторию ответа.

Начиная с третьей экспедиции, мы некоторое время (в течение месяца) проживали в одном из поселений исследования. В связи с этим было решено провести опрос домохозяйств и заодно познакомиться с местными жителями. Иначе говоря, мы решили следовать тактике, которой порой придерживаются антропологи и социологи (см., например: [Fabinyi 2012]). Необходимо отметить, что до опроса мы уже провели несколько интервью и неформальных бесед с ключевыми акторами «осетрового» бизнеса. При этом интервал между первым и вторым интервью одного и того же человека⁵ составлял несколько месяцев. Кроме того, мы подверглись воздействию со стороны местных и региональных силовых структур (см. подробнее ниже). Всё это способствовало тому, что к началу проведения опроса мы имели относительно положительную репутацию среди местных жителей.

В ходе опроса домохозяйств летом 2014 г. мы познакомимся с двумя потенциальными ассистентами из числа местных жителей. Одна из них — многодетная мать-одиночка, проживавшая в тяжёлых социально-экономических условиях, постоянно зависела от родовой (тухумной) помощи и занималась торговлей рыбой в близлежащем городе⁶. Материальный стимул (мы предложили вознаграждение за работу) не был единственной мотивацией в случае с этой ассистенткой. Низкий социальный статус диссонировал с широким кругом знакомств этой ассистентки в поселении, и она помощью нам надеялась укрепить социальные связи вне своего слабого рода (тухума). Основной плюс работы, проведенной данной ассистенткой, заключался в создании нескольких фокус-групп с участием как торговки с рынка, так и женщин, занимавшихся вывозом и продажей рыбы в близлежащем городе. Основным минусом была неспособность и невозможность довести до конца авторский опрос домохозяйств в поселении, хотя до этого она постоянно присутствовала в домохозяйствах, опрашиваемых авторами этой статьи, и была специально проинструктирована относительно вопросника. Думается, ассистентке просто не хватило времени для полноценного знакомства с процедурой проведения опроса. В конце

⁵ Мы следовали предпосылке некоторых постмодернистских антропологов, согласно которой, для того чтобы развить доверие в респондентах и получить правдивые информацию или данные, необходимо использовать три раунда интервьюирования [Spigo 1996].

⁶ При плохой социальной политике в Дагестане жителям поселений приходится использовать разного рода вспомогательные механизмы, такие как родовые (в зависимости от силы родовой группы) связи и односельчан, в результате чего во многих даже гетерогенно этнических поселениях получила развитие специфическая система социальной поддержки (см. подробнее: [Ермолин 2019]).

концов, через месяц после начала самостоятельного опроса ассистентка столкнулась с активным сопротивлением местных жителей и силовых структур. Большую часть анкет силовики сожгли⁷, к самой ассистентке применили физическое воздействие, а по отношению к её семье — угрозы.

Вторым местным ассистентом был мужчина, успешно интегрированный в региональную сеть рынка и заинтересованный нашими исследованиями по большей части из-за материального вознаграждения. Он показал наиболее стабильные и эффективные результаты работы на протяжении всего проекта (2014–2019 гг.), но особенно на втором этапе.

Второй ассистент позволил нам постепенно, в рамках использования «обоснованной» теории, переключиться с первоначально задуманной темы на основную для локального дискурса. Его позиция на рынке дала нам возможность наблюдать экономическую деятельность на дворе информанта, а также в первые годы знакомства с этим ассистентом понять структуру рынка.

В течение двух последних лет ассистент помогал одному из нас в реализации длительного включённого наблюдения в прибрежной полосе Дагестана. Информант осуществлял совместную работу со студентом местного университета по сбору данных для проекта. Поскольку обладание локальным социальным капиталом и, следовательно, понимание местных социальных связей являлись основным преимуществом ассистента, он организовывал встречи с респондентами, а студент проводил интервью. Собранные данные постоянно проверялись исследователем. В том случае, если анкета была заполнена не по протоколу, ассистент и студент возвращались и повторно проводили количественное интервью с респондентом. Особую актуальность такая корректировка приобрела в последние полгода исследования, поскольку исследователь не имел разрешения на въезд в пограничную зону (ПЗ) от Пограничной службы ФСБ РФ⁸.

В рабочих отношениях с обоими ассистентами важным элементом являлось доверие. Проблема доверия в полевых исследованиях подобного рода — одна из центральных [Koepping 1994; Russel 2005]. В случае с первой ассистенткой доверие строилось на репутационных гарантиях от членов бригад (см.: [Zaitch 2002; Gambetta 2009]); в случае второго ассистента доверие — это плод в том числе гендерных различий, и тот факт, что исследователи — мужчины, сыграл важную роль в получении информации и данных в ходе всего проекта (см. подробнее в подразделе о влиянии межпоколенческого разрыва).

С начала 2018 г., то есть при реализации стратегии долговременного включённого наблюдения, одному из нас (ЛС), получившему место приглашённого исследователя в местном университете, предоставили возможность отобрать на конкурсной основе студентов для ассистентства в полевых исследованиях. Ожидалось, что студенты будут проводить полевые исследования в рамках обучения на бакалаврских программах по экологии и социальной работе. На предложение откликнулись 11 студентов. ЛС выполнил стандартные процедуры рекрутинга, проведя серию интервью с претендентами. К сожалению, они не имели никакого релевантного опыта работы и были плохо подготовлены в области социологии и антропологии, поскольку ни один из них не обучался на соответствующих курсах по социологическим и антропологическим методам исследования. В результате был выбран один молодой человек. Выбор был обусловлен тем, что работать предстояло в среде, где преобладают мужчины. По этой причине

⁷ Представители силовых структур, совершившие данные действия, при нападении были в масках, поэтому не представляется возможным идентифицировать, к каким именно структурам принадлежали эти лица.

⁸ Поясним, что исследователь, работавший в прибрежных районах Дагестана в 2018–2019 гг., не имел российского гражданства. Визу он получил по приглашению местного университета (на основе двустороннего договора), но разрешения для исследования в пограничной зоне ему не дали, несмотря на многочисленные заверения со стороны местного университета. В такой ситуации работа подготовленного и обладающего социальными связями ассистента приобрела особую важность.

все студентки-претендентки отказались от предложенной работы и выбрали альтернативную практику. С ассистентом проводились тренинги в течение всего периода полевой работы, поскольку опыт такой деятельности у него отсутствовал. Вовлечённость в проект также помогла ему развить основные умения интервьюирования и наблюдения.

Персональные риски и вопросы безопасности, связанные с деятельностью силовых структур

Ещё один важный вызов, с которым авторы столкнулись во время проведения всех этапов полевой работы, — это персональные риски для исследователей и угрозы их безопасности при вмешательстве в исследовательский процесс силовых структур регионов. Речь идёт прежде всего о местной полиции в Азербайджане и России и Федеральной службе безопасности (ФСБ) — структур, чье влияние на социально-экономические процессы в исследуемых регионах часто носит определяющий характер. Допускается, что как в Азербайджане, так и в России (в частности, в Дагестане) каждая силовая структура, не отличая социологов и антропологов от журналистов или блогеров, имеет собственные неписанные правила работы с исследователями, и до сих пор не понятно, каким образом такие негласные правила влияют на работу социологов и антропологов в специальных условиях «поля». Например, для нас одной из основных проблем на протяжении всего исследования являлось отсутствие ясности в правилах работы в ПЗ всех исследуемых стран и то, каким образом регулируются правила допуска в ПЗ для исследователей — граждан других государств и исследователей-резидентов государств. Помимо упомянувшегося случая с отказом в получении разрешения на работу в ПЗ исследователю-иностранцу даже по ходатайству российского университета, исследователь-резидент, получив разрешение в 2015 г., не смог его добиться в 2016 г., но без проблем получил пропуск в 2019 г. В то же время и исследователь-резидент, и исследователь-иностранец получили пропуски в ПЗ Калмыкии в течение одного дня.

Азербайджан

Первый опыт взаимодействия с силовыми структурами авторы получили в 2013 г., сначала — в дельте Волги Астраханской области РФ, затем — в Азербайджане. Если в дельте Волги авторам просто предлагали сотрудничество, поскольку ротация пограничников ФСБ РФ и их слабая социально-культурная и психологическая подготовка не оставляют младшему составу возможностей для ознакомления с локальным социумом, то в Азербайджане после нескольких дней работы мы обнаружили слежку за нами местной полицией. Один из неформальных контролёров государства, бывший старший осетровой бригады в России, был нашим информантом в одном из азербайджанских поселений. Можно было предположить, что он «сливает» информацию о нас полиции и СГБ, а нам предоставляет ложную информацию и не соответствующие действительности данные про локальные социально-экономические процессы в сфере прибрежного рыболовства. Для того чтобы проверить это предположение, мы постарались создать максимально широкую перекрёстную сеть информантов в разных точках поселения. В эту сеть входили работник кафе, продавец магазина, скупщик рыбопромысловой продукции федеральной компании. Все они хорошо знали нашего информанта, область его деятельности, семью и т. д. Таким образом, получая информацию из одного источника, мы сравнивали ее с информацией, полученной из другого источника, а затем составляли логическую цепь событий. В конце концов, наши опасения о «сливе» информации о нас в местную полицию и СГБ подтвердились, но в то же время множество данных, предоставленных нам информантом, также оказались достоверными. Под конец работы в Азербайджане СГБ провела с нами долгую беседу в месте исследования, пытаясь выяснить цель нашего пребывания в стране, хотя всеми необходимыми формальными данными о нас СГБ располагала.

Дагестан

Самыми значительными вызовами, связанными с пересечением с силовыми структурами во время долгосрочного пребывания в Дагестане, были силовым захват авторов данной статьи в одном из прибрежных поселений, проводившийся совместными силами местной полиции и регионального ФСБ, упомянутое выше сожжение силовиками анкет опросника и применение физической силы к ассистентке, а на более позднем этапе исследования — постоянные вызовы и беседы в УФСБ одного из горных районов, а также проживание авторов в доме с большим тайником оружия.

С исследованиями неформальной (и тем более криминальной) экономики всегда связаны риски для жизни их участников. Например, в 1980-х гг. в полевых исследованиях по разным причинам погибли 60 антропологов [Sluka 2012]. Сенситивность информации и данных, получаемых исследователем [Howell 1990], когда он не может различить грань, отделяющую собственное восприятие проблемы от видения членов локального сообщества [Jacques, Wright 2010], является одним из факторов риска.

В антропологических и социологических исследованиях российского общества не существует сколько-нибудь значительных описаний стратегий работы с силовыми структурами при проведении полевых работ, подобных нашим. Единственная работа по России, где автор упоминает ситуацию конфликта с полицией в 1990-х гг., — книга Ране Виллерслева, посвящённая ритуалам охоты среди юкагиров [Willerslev 2007]. Антрополог был вовлечён в продажи добытого юкагирами соболиного меха на мировом рынке и подвергся атаке, которую через милицию осуществила компания «Сахабулт» — монополист на рынке меховых изделий. Компания «Сахабулт» и милиция обвинили учёного в нелегальной торговле и браконьерстве. Виллерслев чудом избежал ареста, скрывшись в лесу, найдя убежище среди старообрядцев-спиритоновцев, где оставался в течение нескольких месяцев. Как бы то ни было, его компаньон в Якутске утонул при странных обстоятельствах, что дало повод антропологу назвать это происшествие убийством.

Свою стратегию по взаимодействию с силовыми структурами мы начали разрабатывать задолго до приезда в поле. Мы решили в первое время не идти на контакт с местными ОИВ и полицией, поскольку считали, что сенситивность темы может вызвать жёсткую реакцию с их стороны. В то же время контакты в поселении, которые были предоставлены одному из нас сотрудниками института, где он тогда работал, и записи интервью, проводившихся данными сотрудниками, представили нам совершенно противоположную картину социально-экономического взаимодействия в поселении, что сыграло злую шутку с ними, о которой пойдёт речь далее. В первую же неделю пребывания в поле стало ясно, что респонденты сотрудников института (директора местных рыбодобывающих артелей), услышав вопросы из специально разработанного вопросника по прибрежному рыболовству⁹, замкнулись и старались избегать дальнейших контактов с нами.

Можно допустить, что первый повод обратить внимание на исследователей местной полиции дали директора, встроенные вместе с полицией в локальную экономику биоресурсов¹⁰, адаптированные к ней и подозревавшие нас в работе на пограничников. Тем не менее, поселившись на одной из центральных улиц, мы сделали несколько ключевых интервью с рыбаками осетровых бригад и членами их семей. После этого было решено активизировать работу в местной школе. Причины такого внимания к учебному заведению кроются, во-первых, в попытках выйти через школьников на их родителей; во-вторых,

⁹ Данный вопросник был адаптирован авторами до этого для работы в Астраханской области и Калмыкии.

¹⁰ Конфликт между местной полицией и пограничниками вырос вокруг юрисдикции местной полиции и ОИВ поселения и пограничников. Несмотря на то что в результате расширения ПЗ в начале 2000-х гг. полномочия по контролю над всей хозяйственной деятельностью в ПЗ перешли в ФСБ, местная полиция постоянно требовала передачи им задержанных на суше рыбаков, а также откровенно помогала скрываться рыбакам от преследований пограничников.

мы хотели проверить гипотезу о кросс-когортной социализации подростков в школе, когда старшие сверстники оказывают определяющее влияние на решения младших, что особенно характерно для социума неблагополучных районов [Harding 2009]. Это стало вторым поводом.

Необходимо отметить также, что мы не учли складывавшейся на Северном Кавказе к ноябрю 2013 г. конъюнктуры, то есть интенсивной подготовки к проведению зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи и соответствующих опасений по поводу активизации террористического бандподполья на Кавказе. Наконец, последней каплей для ФСБ стал донос городского таксиста, часто приезжавшего в дом, где мы арендовали помещение¹¹.

Таким образом, во-первых, мы были неуютны местной полиции, поскольку исследовали опасные для нее темы. Проблема состояла в нарушении неписаных правил «безопасности» в локальности, основанной на высокой коррумпированности местных чиновников. Во-вторых, мы были «интересны» региональному ФСБ, поскольку была высока вероятность террористических актов в регионе.

В один из ноябрьских вечеров сотрудники силовых структур переползли через забор частного домовладения и постучались в дверь сауны, на первом этаже которой исследователи устроили совещательную комнату. Поскольку мы не скрывались от силовых структур, в открытую представлялись респондентам и в общем-то не были готовы к такому повороту событий, один из нас открыл дверь, а через несколько секунд все мы лежали лицом вниз с приставленными к затылку пистолетами. В комнату вошёл местный участковый и заявил, что они знают все наши разговоры по телефону¹² и людей, с которыми они ведутся (в том числе и нашего информанта в Азербайджане; о нём речь шла выше).

Далее события развивались следующим образом: мы были доставлены в РОВД города и допрошены с пристрастием, нам угрожали применением электрического тока, если мы не расскажем о том, что хотелось услышать прежде всего ФСБ (террористы славянской внешности, прибывшие дестабилизировать ситуацию¹³) и местной полиции (персональные данные информантов и респондентов и транскрипты или записи интервью, а также полевые записки).

Наиболее важной проблемой в связи с интересом местной полиции было сохранение анонимности персональных данных респондентов и сведений об их деятельности. Очевидно, что высокая степень социальной укоренённости практик нелегального рыболовства создавала круговую поруку в поселениях и порождала проблему «выдачи своих», особенно в случае исследования осетрового браконьерства. Самым общим решением подобной проблемы является уничтожение записей и их транскриптов после использования¹⁴. Однако в нашем случае это сделано не было, поскольку исследование было

¹¹ Нас подвела специализированная одежда иностранного производства, резко отличавшаяся от одежды, которую носили местные. Нарушение идентичности в локальных сообществах — хорошо изученная проблема в подобного рода исследованиях [Hammersley, Atkinson 1995; Burgess 2006]. Кроме того, таксист стал нас провоцировать, предлагая переправить на байде (запрещённая к использованию лодка местного производства, основное средство передвижения осетровых бригад) в Казахстан, что могло означать проверку «кругом своих» — сдадим мы его за такое предложение или нет [Brymer 1991]. В итоге таксист сдал нас. Подобного рода провокации в дальнейшем часто проводились в отношении нас актёрами нелегального рынка.

¹² Была организована прослушка наших телефонов.

¹³ Среди вопросов, заданных нам, были следующие: «Что такое “альбатрос 1812”?» (очевидно, имелась в виду террористическая операция с участием лиц славянской национальности); «Сколько стоит пистолет Стечкина?» (предположительно данное оружие является наиболее распространённым среди членов террористического бандподполья Северного Кавказа).

¹⁴ Так поступать советуют, в частности, кодексы многих этических комитетов при университетах. Американская ассоциация антропологов в «Принципах профессиональной ответственности» также рекомендует в обязательном порядке уничтожать чувствительные данные сразу же после их использования.

в самом начале. На тот момент мы собрали в данном регионе исследования 10 индивидуальных интервью, провели одну фокус-группу и располагали также неплохим багажом полевых записок. При подготовке исследования мы договорились использовать в записках один из редких языков, которым владели оба исследователя, проводившие первый этап полевых работ, причем в словах часто представляли буквы или писали слово наоборот. Респондентов в телефонных контактах мы обозначали по начальной букве их фамилии и начальной букве поселения, где он проживает. Подобное шифрование было бы относительно быстро преодолено ФСБ при необходимости, а вот для местной полиции (РОВД города и поселковая) оно представляло трудность. Сложнее нам было с записями и транскриптами интервью. Поскольку транскрипты делались параллельно проведению интервью с целью анализа информации, некоторые из записей уже были уничтожены, остальные оставались в диктофоне, спрятанном одним из авторов в доме хозяйки. Информация в транскриптах была представлена в сжатом с традиционными антропологическими канонами виде [Blommaert, Jie 2010]: каждому респонденту присваивалось условное имя, однако указывались реальные национальность и возраст; первая буква названия поселения тоже была условной. Разумеется, мы знали, о ком из респондентов идет речь и из какого он поселения. Но такой прием позволял нам обезопасить респондентов максимально возможным для нас образом.

Второй этап работы в Дагестане не принёс нам подобных сложностей. Однако работая в 2019 г. в горах, мы постоянно находились в центре внимания местной полиции и, отчасти, районного УФСБ. Поскольку, как и в случае с побережьем, в нелегальной перепродаже шкур была задействована местная полиция, а мы постепенно получили данные по объему такого оборота, нас стали часто вызывать в районное ОВД, которое, в свою очередь, подключило к контролю наших действий УФСБ по горному району. Отвечая на вопросы как полиции, так и районного УФСБ, мы делали упор на изучение общего социально-экономического положения горных поселений и демографии разных этнических групп, проживающих в поселениях района. Тема демографии на втором этапе была «маской» и для работы в предгорье.

Влияние межпоколенческого и гендерного разрыва между респондентами и исследователем на развитие доверия в отношениях респондентов и исследователей

Межпоколенческий и гендерный разрывы могут существенно осложнять, а то и вовсе закрыть путь исследователю в «поле». Эффект межпоколенческого разрыва на Кавказе — феномен, упоминаемый некоторыми авторами в связи с анализом влияния радикального ислама на молодёжь [Стародубровская 2016].

Сама по себе концепция «автономного» сообщества, разработанная как альтернатива для анализа постсоветского сельского развития, предполагает, что чем выше степень «автономности» сообщества, тем межпоколенческий разрыв менее вероятен. Однако это касается только внутриселенческих взаимоотношений и никак не затрагивает аутсайдеров. В связи с этим нам, например, было легче исследовать своих сверстников — рыбаков осетровых бригад в прибрежных районах, чем торговцев, ремесленников и посредников в предгорном и горном Дагестане, многие из которых родились в 1960-е гг. Один из нас принимал участие в так называемых гуляниях, являющихся одной из стадий как социализации в бригаде, так и проверки рационализации действий членов бригады. Участие в обряде дало хорошую информацию о взаимоотношениях в бригаде, данные по уловам и прилову.

В горном и предгорном районах Дагестана подобных площадок социализации не наблюдалось, поскольку торговцы и ремесленники имели сложившуюся систему мировоззрения и рутинную практику

образа жизни, закрывались от внешнего мира не только забором, но и семьёй как основной «фабрикой» производства товаров¹⁵. Мы преодолевали подобного рода разрыв разными путями.

Во-первых, разрыв преодолевался с помощью эмпатии. Это относилось прежде всего к женщинам — членам домохозяйств торговцев и ремесленников. При этом использовались как неформальные беседы, так и включённое наблюдение. Чувствительность и сопереживание, как правило, выше у женщин, чем у мужчин, особенно в традиционных обществах, а их знание текущего состояния дел и даже вовлечённость в них и влияние на производство в локальной экономике в большинстве случаев также оказались значительными. Женщины, например, могли вести смету расходов и доходов домохозяйства и фиксировать в ней всех тех односельчан, которые пользовались услугами производства мужей, укаывая имена против суммы расходов.

Во-вторых, нам помогало лавирование между интересами разных акторов, вовлечённых в рыночные операции (тактика, характерная не только для предгорных и горных районов). Поскольку рынок в разной степени порождает конкурентную среду, даже при высоком уровне социальной укоренённости транзакционных процессов (что присуще любому рынку биоресурсов) акторы останутся конкурентами, и, зная интеракции каждого из них, можно предугадать реакции других. В этом случае, конечно, встают этические вопросы, связанные с осуществлением такого рода стратегии, но раскрытие этой темы не является задачей данной статьи.

В-третьих, специфика полевых исследований на Кавказе заключается в наличии сильных реципрокных механизмов, определяющих развитие отношений «исследователь — респондент» [Салинс 1999]. При этом реципрокность в таких отношениях проходит континуум — от генерализованной, когда услуга (дар) меняется на услугу (дар), до негативной, когда услуги (дар) имеют одностороннюю направленность. Таким образом, занимаясь исследованиями в горах, мы подарили основному информанту и членам его семьи четыре бывших в употреблении ноутбука и один тоже бывший в употреблении смартфон. Информация и данные, полученные в первые месяцы полевого исследования, оказались стратегически важными для нас. В дальнейшем потоки товаров в рамках негативной реципрокности могут рассматриваться информантом не только как символы продолжающейся дружбы, но и как сохранение «поля» для последующих исследований, что в большей степени проявилось в прибрежных районах.

Гендерные различия не раз становились проблемой для изучения социально-экономических аспектов браконьерства или нелегальной охоты (в частности), а некоторые исследования на постсоветском пространстве фактически закончились провалом по этой причине [Halemba, Donahoe 2008; Гаврилова 2019]¹⁶. Характерные черты социальной ойкумены Кавказа, такие как религия, традиционализм (а в каких-то случаях и защитный ретрадиционализм), основанный на адатах, играют большую роль в поддержании необходимого паттерна гендерных отношений в регионе исследования, хотя и с некоторым влиянием модернизации при вовлечении женщины в производство [Ермолин, Суворков 2020]. Тот факт, что все исследователи — мужчины¹⁷, позволил нам не только установить крепкую и долгосроч-

¹⁵ Помимо межпоколенческого разрыва как основного негативного фактора исследований, можно упомянуть высокую степень религиозности по сравнению с прибрежными поселениями и, как следствие, очень низкий уровень алкоголизма, что также не способствует быстрому налаживанию доверительных отношений между респондентами и исследователем.

¹⁶ Тему влияния гендерного разрыва вообще и роли женщины в частности на прогресс полевого исследования впервые подняли Л. Истердэй и её коллеги: [Easterday et al. 1977].

¹⁷ Влияние мужской идентичности на социологические исследования ещё в 1981 г. подчёркивал Дэвид Морган: «Этнография имеет собственный бренд мачизма, утверждая облик социолога-мужчины, порождённый взглядом из периферии общества, самым глубоким социальным дном, уличными парнями из суровых трущоб и территорий, традиционно закрытых для женщин-исследователей» [Morgan 1981: 87].

ную связь со вторым ассистентом (см. выше), но и прочно закрепиться как среди членов осетровых бригад, так и среди ремесленников и посредников в горных и предгорных районах.

Влияние сетевой плотности рыночных звеньев и скорости передачи информации между ними на проведение исследования

Хотелось бы затронуть вопрос распространения информации среди акторов нелегального рынка об исследователях. Нелегальные рынки биоресурсов нужно рассматривать как сложные общности с предельно выраженными социально укоренёнными сетевыми практиками, где важное место занимают «пространства потоков», которые М. Кастельс связал с экономическими транзакциями между легальными и нелегальными акторами рынка [Castells 1999]. Думается, однако, что социально укоренённые сетевые практики определяются и циркуляцией социально-культурных ситуационных норм, присущих тому или иному сообществу. Наиболее значимыми каналами циркуляции как в закрытой, так и в открытой социальной организации являются слухи, оказывающие чаще негативное, чем позитивное, влияние на образ жизни индивидов, их социально-экономическую и профессиональную деятельность и т. п. [Miller 1997; Осетрова 2011]. Не исключение и полевая работа, когда исследователь попадает в ситуации недопонимания или становится козлом отпущения из-за распространившихся слухов [Codere 1970; Pandey 1972].

Ядро исследуемого нелегального рынка представляет собой хорошо организованное сетевое образование, где первое звено (изъятие биоресурса) и третье (предпродажная обработка материала) находятся на близком расстоянии друг от друга (в радиусе 200–300 км). Эта особенность порождает несколько других: во-первых, маленький круг производителей и продавцов, в основе экономических транзакций которых часто оказываются долговые отношения (на всех звеньях рынка); во-вторых, расположение необходимой инфраструктуры (рыночных торговых площадок, кустарных производственных цехов) в быстрой досягаемости для акторов; в-третьих, важными чертами рынка являются его этнический¹⁸ и отчасти родовой характер¹⁹.

Естественно, самым распространённым циркулировавшим между звеньями рынка слухом было то, что мы — агенты спецслужб. В горных районах также быстро распространился и слух о том, что мы являемся представителями конкурентных торговых фирм, продвигающих на рынок шкуры из меха гренландского тюленя (в местной категоризации «норвежка»).

Нашими ошибками были слишком частое посещение торговых площадок как в предгорье, так и в горах, а также активация неформальных бесед на таких торговых площадках. Представляется, что эти ошибки стали результатом достаточно плохо проработанного в этом плане нашего пилотного исследования — работы в горах и предгорьях в 2019 г., продолжавшейся в течение двух-трех недель. Необходимо было задействовать индивидуальный подход к каждому актору (количество акторов относительно небольшое) и ограничиться кратковременным пребыванием на торговых площадках. Тем более что большинство ремесленников и торговцев сосредоточено в одном горном поселении, хотя перепродажа шкур идёт из предгорных поселений в родовые горные.

¹⁸ Большинство акторов второго и третьего звеньев — даргинцы.

¹⁹ Жители поселений, относящихся ко второму и третьему звеньям сети, до Второй мировой войны составляли одну горную агломерацию, но в результате насильственного переселения одного из поселений агломерации в Чечню и обратного переселения в предгорный Дагестан жители данного поселения стали хабом в скупке, обработке шкур, производстве шапок из шкур тюленя и дальнейшей перепродаже шкур в родственные горные поселения. Таким образом, традиционное ремесло обрело необходимый для работы со шкурами морского млекопитающего транзитный пункт.

Два дополнительных фактора способствовали негативному воздействию слухов на нашу репутацию. Во-первых, один из нас пытался пилотно исследовать не своё поле в прибрежной части Дагестана в 2018 г., хотел выйти на респондентов через криминальный мир и раздавал визитки потенциальным респондентам, что привело на первых порах к отрицанию всякого взаимодействия между респондентами и исследователями, ответственными за работу в горах и предгорьях. Пилотное исследование должен осуществлять тот, кто в дальнейшем собирается делать долгосрочное исследование в данном регионе [Sampson 2004]. Во-вторых, наиболее интересным и в то же время негативным фактором, потворствовавшим распространению слуха, явилось обнаружение акторами рынка статьи, опубликованной в журнале «Экономическая социология» [Ермолин 2019]²⁰. Слух быстро донёс весть про эту статью до всех акторов, задействованных в операциях на рынке — в горах, предгорьях, на побережье и в главных городах региона. Проблемы возникли из-за аффилиации одного из нас в некоммерческой организации по исследованию преступлений в сфере окружающей среды, а также из-за употребления слов «браконьер»²¹ и «шапочники», которые у членов локальных сообществ имеют уничижительный смысл. Знакомство большинства акторов рынка с данной статьёй было поверхностным, в статье использовался научный специализированный язык, и, в конце концов, данный инцидент не имел критических последствий для количественных результатов исследований. Однако в долгосрочной перспективе многие респонденты отказались от дальнейших контактов с нами²².

Влияние смены правовых режимов на текущие исследования. Фактор продолжительности пребывания в поле

Смена правовых режимов и влияние таких изменений на структуру и динамику рынка — одна из наиболее интересных тем в социологии рынков (по крайней мере, нелегальных) и экономической социологии в целом. Тема эта достойна отдельной статьи; мы же кратко коснёмся влияния внезапного изменения политического курса на стратегии текущего полевого исследования. На втором этапе нашего исследования отразился процесс социальной легитимации экономических трансакций и восприятие акторами легальности и (или) нелегальности товара [Hübschle 2017]. До апреля 2019 г. за общую стратегическую линию исследования в горах и предгорье принималось то, что каспийский тюлень не должен быть внесён в Красную книгу. Таким образом, мы допускали легализацию в дальнейшем товаров из шкур млекопитающего, что предоставляло шанс для ведения бизнеса ремесленникам среднего звена (до 100 шкур в год). Однако в апреле 2019 г. каспийский тюлень был внесён в Красную книгу Республики Дагестан. Слух об этом распространился по сети акторов в течение недели. Вслед за этим нам были предъявлены первые претензии в содействии сложившейся ситуации.

Смена правовых режимов всегда несёт репутационные риски как определённой категории акторов рынка, так и исследователю в поле [Warwick 1973; Johnson 2002]. Участник рынка, предоставивший нам жильё в одном из поселений и содействовавший в получении информации и данных, стал получать звонки из города с просьбами попросить нас покинуть его дом и никогда больше не предоставлять нам своё жильё. Кроме того, он лишился из-за нашего присутствия постоянных клиентов мастерской по обработке шкур и понёс убыток в размере, превысившем ту сумму, которую мы заплатили ему за пребывание в его доме. Товарный поток застопорился на месяц из-за нашего пребывания в первые месяцы в среде акторов²³. Цены на шкуры и шапки подскочили во всех звеньях рынка (от

²⁰ Об опасности обнаружения статей акторами исследуемого сообщества см.: [Vidich, Bensman 1958].

²¹ В локальной категоризации слова «браконьер» всячески избегают. В упомянутой статье (см.: [Ермолин 2019]) данное слово использовалось два раза; в остальных случаях применялось слово «рыбак».

²² См. первое описание подобной ситуации: [Ditton 1977].

²³ Влияние исследователей на площадки исследования — обширная тема; см. о философских началах социологического анализа саморефлексии по субъективному влиянию на ситуацию в поле: [Bourdieu 2005].

рыбаков до продавцов), но, как и ожидалось, больше всего это ударило по ремесленникам и торговцам со средним и небольшим оборотом. Допускается, что при крайне низкой степени соблюдения регулятивных норм в регионе (когда большинство акторов игнорируют вновь принимаемые НПА и пользуются состоянием гиперкоррупции в регионе) повышение цен могло быть продиктовано как сезонными колебаниями, типичными для времени высокого спроса и предложения, так и возникновением искусственного дискурса тюленя как краснокнижного животного. Дискурс этот порождён как рыбаками, так и крупными ремесленниками и торговцами, находящимися на вершине социальной лестницы поселений. Нас, исследователей, спасло то, что большую часть информации и данных количественного характера мы уже получили к тому времени. Кроме того, один из нас покинул «поле» за неделю до публикации новости, другой — через неделю после распространения слуха среди акторов. И оба вернулись в «поле» только через месяц после этого, уже в другое жильё, предоставленное в поселении другим информантом.

Другие важные факторы, оказавшие влияние на проведение исследования

Среди факторов, оказавших влияние на поле, можно отметить слабую информированность жителей исследуемых поселений о научных исследованиях в сфере экономико-социальных процессов. В беседах респонденты горных поселений часто признавались, что в их поселениях не было ученых-этнографов или социологов со времён имама Шамиля (середина XIX века), хотя геологические и филологические исследования в горном Дагестане — не редкость. В предгорном поселении велись лишь статистические исследования без полевого этапа. Экологические и биологические процессы становились темой многочисленных исследований в прибрежных зонах всех прикаспийских государств, однако сравнительно небольшое количество исследований было посвящено социально-экономическим и экономико-социальным процессам. Отсутствие подобных исследований приводит к тому, что местные жители, с одной стороны, проявляют большой интерес к учёным и их работе, но, с другой, относятся с недоверием и подозрением к такой деятельности. Взаимосвязанный фактор — расположение данных регионов в отдалённых, часто труднодоступных от центра местностях, где преобладает плохая инфраструктура для исследования. Следовательно, отсутствуют возможности для планирования исследовательских работ на длительную перспективу и сбор данных в динамике.

Дискуссия

Исследования неформальной экономики всегда вызывали вопросы среди социологов и антропологов. Такие работы нещадно и начиная с Кайя Эриксона (конец 1960-х гг.) [Erikson 1967; 1968] критиковались за безответственность перед индивидами — объектами исследования, за подрыв репутации социологии, использование фальшивой идентичности для входа в частное пространство индивидов, искажение характера собственного исследования с целью сокрытия настоящих задач и т. п. Все же многие учёные-обществоведы придерживаются противоположной точки зрения [Ditton 1977; Hammersley, Atkinson 1995; Denzin 2009].

Представляется, что существует несколько характерных показателей успешного полевого исследования неформальных экономических процессов в рамках нелегального рынка:

- *идентичность исследователя в местном сообществе*. Исследователи отмечают, что изначальный образ учёного и его работы проектируются в представлении членов сообщества на основании циркулирования слухов в первые две недели пребывания в поле [Blau 1964]. Неверно выбранная тактика поведения в этот период может существенно осложнить исследователю пребывание в полевых условиях [Diamond 1974], что подтвердило и наше пилотное исследование в 2019 г. Питер Блау советует открыто объяснить цели исследования членам сообщества

в первые дни пребывания на месте [Blau 1964: 24–27], что, по его мнению, поможет быстрее установить доверие в местной социальной среде. Однако, как показали наш опыт и особенно работа в 2012–2016 гг., более существенный вклад в установление доверия и создание легитимного образа исследователя в сообществе, а значит, в получение более точных и обширных данных и информации о неформальной деятельности сообщества, приносят события противопоставления идентичности учёного и идентичности сотрудников силовых структур — регуляторов со стороны государства. В результате наступает то, что Норман Дензин и Клиффорд Гирц назвали этнографическим прозрением (*ethnographic epiphany*) со стороны индивидов — объектов исследования [Denzin 1989; Гирц 2004]. Соучастие и совместные действия делают исследователя «своим» для сообщества и предоставляют ему возможности для полноценного приобщения к локальной девиантной культуре. В случае Гирца таким событием выступило бегство антрополога, его жены и жителей местного сообщества от полиции во время рейда по пресечению проведения болийцами петушинных боёв — нелегальной, но легитимной экономической деятельности. В нашем случае это захват ФСБ и местной полицией в 2013 г., а также постоянные вызовы в РОВД и региональное ФСБ в 2018–2019 гг. Подобная ситуация может произойти либо случайно (как с Гирцем или с нами), либо может быть создана искусственно как сообществом (попытка таксиста «сдать» нас в ФСБ), так и НАМИ (имитация наблюдения за РОВД одного из районов проведения нашего исследования);

- *учёт упоминавшихся гендерных особенностей проведения исследования.* Идеальным вариантом (прежде всего в Дагестане) представляется распределение функций по гендерным ролям с учётом социально-культурного фона региона и этапов проведения исследования (см., например: [Wax 1979]). Гендерная специализация позволяет черпать знания из разных источников в специфических областях исследования [Morgan 1972; 1975], учитывая, что социологические и антропологические исследования должны следовать за постоянно растущей структурно-системной комплексностью социальной среды. Поскольку неформальная экономическая деятельность часто представляет собой разнородный феномен, то, как показало исследование в Дагестане, даже при наличии чётко выраженного преобладания мужчин на нелегальном рынке биоресурсов есть социальные группы (хотя и немногочисленные), вход в которые доступен только женщинам;
- *время и финансирование как индикаторы успешного исследования.* Важными показателями успешности и (или) неуспешности полевого исследования нелегального рынка являются время, затраченное на исследования, и финансовые средства, полученные и израсходованные на его проведение. Естественно, чем выше степень нелегальности неформальной экономической деятельности, тем сложнее такое явление изучать. В этом случае расходы, прежде всего связанные с рекрутингом локальных ассистентов, а порой и студентов, достаточно высоки. Наше исследование показало, что минимальная длительность пилотного периода экспедиций должна составлять месяц, само исследование — длиться минимум два года, а процедуры рекрутинга и тренинга ассистентов и студентов могут занимать до шести месяцев. Расходы на локальных ассистентов составляли в различные периоды проведения исследования от 30 до 60% от общих затрат.

Как могут быть адаптированы методы, процедуры и организационные принципы иммерсивной этнографии к анализу неформальной экономики Северного Кавказа и России в целом?

Для проведения подобного полевого исследования, позволяющего получить уникальные данные по закрытым для широкой публики процессам, необходимо следующее:

- долгосрочное финансирование, ориентированное на неосновной профиль исследования (в нашем случае — защита редких видов животных, занесенных в Красную книгу РФ). В то же время необходим акцент на первостепенности исследования общей картины социально-экономического положения групп населения (в нашем случае — поселений регионов исследования) как в работе с респондентами и информантами, так и с представителями ОИВ и силовых структур;
- поиск первичных контактов в регионах исследования и осуществление первичного входа в поле как через личные контакты (как в случае с Астраханской областью, Дагестаном и Азербайджаном), так и с использованием социальных сетей (как в случае с Калмыкией и Казахстаном). Широко распространённый метод снежного кома хорошо работает непосредственно в полевых условиях, так как обычно нелегальные сети отличаются высокой плотностью контактов;
- обязательная шифровка материалов интервью и дневников полевых наблюдений при невозможности быстрой передачи данных в безопасное хранилище. Записи интервью и полевые записки должны быть тщательно изучены до проведения следующего раунда интервью. При этом система двух-трёх раундов интервью с одним респондентом должна быть приоритетной;
- внимание к нечётким и непонятным границам зон ответственности каждого регионального министерства. Важная особенность исследований в Дагестане — предельное размывание процесса принятия решений. Мы сталкивались с этим постоянно при организации официальных опросов домохозяйств, получении данных по официальной статистике министерств и простых гарантийных писем;
- включённое наблюдение — основной метод исследований подобных тематик. Минимальный срок включённого наблюдения — два года (в том числе пилотного исследования сроком два-три месяца, которое должен делать человек, проводящий основное исследование). Опыт показывает, что сбор данных и информации исключительно путём проведения интервью, опросов домохозяйств и создания фокус-групп не даёт правдоподобных верифицируемых результатов. В этом случае включённое наблюдение решает две задачи: (1) сбор первоначальных данных путём наблюдения поведенческих стратегий акторов в естественной для них среде; (2) перепроверка данных, полученных путём интервьюирования и неформальной беседы;
- разработка стратегии неформальной беседы. Как метод неформальная беседа и её отражение в полевых записках имеют важное значение. Беседа как часть включённого наблюдения может происходить в исследуемых полевых условиях в любое время в необычных местах. Простое использование ручки или карандаша и блокнота может также быть полезно;
- анализ социально-политической ситуации в регионах исследования — важнейший компонент разработки стратегии включённого наблюдения.

В нашем исследовании мы не уделили должного внимания нескольким описанным факторам, что замедлило налаживание контактов в местной среде и поставило под угрозу продолжение исследования на достаточно ранней стадии.

Литература

- Бентам И. 1998. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН.
- Васильева В. В. 2019. Инфраструктура вне государства: «дикие» зимники и вывоз промысловой продукции на Таймыре. *Этнографическое обозрение*. 4: 61–75.
- Гаврилова К. А. 2019. Опасное природопользование: рыбные ресурсы и ностальгия по государству в Баренц-регионе. *Этнографическое обозрение*. 4: 13–28.
- Гирц К. 2004. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН.
- Давыдов В. Н., Журавская Т. Н. 2019. Государство и использование ресурсов: введение. *Этнографическое обозрение*. 4: 5–12.
- Ермолин И. В. 2019. Предумышленный прилов каспийского тюленя и развитие нелегального рынка биоресурсов в Дагестане: экономико-социологический подход. *Экономическая социология*. 20 (1): 83–122. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2019-20-1/237367666.html>
- Ермолин И. В., Суворков П. Э. 2020. На пути к теории «автономного» сообщества: эксплоярные экономические структуры прибрежного рыболовства на юге России. *Мир России. Социология. Этнология*. 29 (2): 156–178. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/10704>
- Казенин К. И. 2014. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма: на примере Северного Кавказа. *Экономическая политика*. 3: 178–198.
- Кузьминов Я. И. et al. 2005. Институты: от заимствования к выращиванию. *Вопросы экономики*. 5: 5–27.
- Осетрова Е. 2011. Слухи в современной социокультурной среде: историографический обзор. *Антропологический форум*. 15: 55–82.
- Портес А. 2003. Неформальная экономика и её парадоксы. *Экономическая социология*. 4 (5): 34–54. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html>
- Рахманова Л. Я. 2019. Рыбаки и контролирующие инстанции на Оби: правоприменение в тени локальных правил игры. *Этнографическое обозрение*. 4: 45–60.
- Рождественская Е. Ю. 2012. *Биографический метод в социологии*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Салинс М. 1999. *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Стародубровская И. В. 2016. Социальная трансформация и межпоколенческий конфликт (на примере Северного Кавказа). *Общественные науки и современность*. 6: 111–124.
- Шанин Т. 1999. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России. В сб.: Шанин Т. (отв. ред.). *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос; 11–32.
- Beckert J., Wehinger F. 2013. In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*. 11 (1): 5–30.

- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. 2007. The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*. 16 (2): 399–418.
- Berkes F. 1986. Local Level Management and the Commons Problem: A Comparative Study of Turkish Coastal Fisheries. *Marine Policy*. 10: 215–229.
- Blackman S. J. 2007. Hidden Ethnography. Crossing Emotional Borders in Qualitative Accounts of Young People's Lives. *Sociology*. 41 (4): 699–716.
- Blau P. M. 1964. The Research Process in the Study of The Dynamics of Bureaucracy. In: Hammond P. (ed.). *Sociologists at Work*. New York: Basic Books; 16–49.
- Blommaert J., Jie D. 2010. *Ethnographic Fieldwork: A Beginner's Guide*. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters.
- Bourdieu P. 2005. Algerian Landing. *Ethnography*. 5 (4): 415–443.
- Brymer R. 1991. The Emergence and Maintenance of a Deviant Sub-Culture: The Case of Hunting/Poaching Subculture. *Anthropologica*. 33 (1–2): 177–194.
- Bunnefeld N. et al. 2013. Incentivizing Monitoring and Compliance in Trophy Hunting. *Conservation Biology*. 27 (6): 1344–1354.
- Burgess R. 2006. *In the Field: An Introduction to Field Research*. London; New York: Routledge.
- Castells M. 1999. Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography*. 20 (4): 294–302.
- Codere H. 1970. Field Work in Rwanda, 1959–1960. In: Golde P. (ed.). *Women in the Field: Anthropological Experiences*. Chicago: Aldine; 141–164.
- Denzin N. K. 1989. *Interpretive Biography*. Newbury Park, CA: SAGE Publications.
- Denzin N. K. 2009. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. New York: Aldine Transaction.
- Diamond S. 1974 Anthropology in Question. In: Dell H. (ed.). *Reinventing Anthropology*. New York: Vintage Books; Random House; 401–429.
- Dioun C. 2017. Making the Medical Marijuana Market. In: Beckert J., Dewey M. (eds) *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. Oxford, UK: Oxford University Press; 159–176.
- Ditton J. 1977. *Part Time Crime: An Ethnography of Fiddling and Pilferage*. London: Macmillan.
- Dmitrieva L. et al. 2013. Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*. 8 (6): 1–7.
- Dunlap E., Johnson B. D. 1999. Gaining Access to Hidden Populations: Strategies for Gaining Cooperation of Sellers/Dealers in Ethnographic Research. *Drugs and Society*. 14 (1/2): 127–149.

- Easterday L. et al. 1977. The Making of a Female Researcher: Role Problems in Field Work. *Urban Life*. 6 (3): 333–348.
- Erikson K. T. 1967. A Comment on Disguised Observation in Sociology. *Social Problems*. 14 (4): 366–373.
- Erikson K. T. 1968. On the Ethics of Disguised Observation: A Reply to Denzin. *Social Problems*. 15 (4): 505–506.
- Ermolin I., Svolkinas L. 2016. Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses Towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*. 25 (14): 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. 2018. Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*. 87: 284–290.
- Fabinyi M. 2012. *Fishing for Fairness: Poverty, Morality and Marine Resource Regulation in Philippines*. Canberra: ANU Epress.
- Gambetta D. 2009. *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Grasmick H. G., Bursik R. B., Jr. 1990. Conscience, Significant Others, and Rational Choice: Extending the Deterrence Model. *Law and Society Review*. 24 (3): 837–861.
- Halemba A., Donahoe B. 2008. *Local Perspectives on Hunting and Poaching*. Research Report for WWF Russia Altai-Saian Ecoregion; 1–33.
- Hammersley M., Atkinson P. 1995. *Ethnography: Principles and Practice*. London: Routledge.
- Hampshire K. et al. 2004. Real Poachers and Predators: Shades of Meaning in Local Understandings of Threats to Fisheries. *Society and Natural Resources*. 17 (4): 305–318.
- Harding D. J. 2009. Violence, Older Peers, and the Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods. *American Sociological Review*. 74 (3): 445–464.
- Howell N. 1990. *Surviving Fieldwork: A Report of the Advisory Panel on Health and Safety in Fieldwork*. Washington, DC: American Anthropological Association.
- Hübschle A. M. 2015. *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Hübschle A. M. 2017. Contested Illegality: Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn. In: Beckert J., Dewey M. (eds). *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy*. Oxford, UK: Oxford University Press; 177–197.
- Jacques S., Wright R. 2010. Dangerous Intimacy: Toward a Theory of Violent Victimization in Active Offender Research. *Journal of Criminal Justice Education*. 21 (4): 503–525.
- Johnson A. 1978. *Quantification in Cultural Anthropology*. Stanford: Stanford University Press.
- Johnson J. M. 2002. In-Depth Interviewing. In: Gubrium J. F., Holstein J. A. (eds) *Handbook of Interview Research: Context and Method*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications; 103–119.

- Koepping E. 1994. Trust and Its Abuse in Long-Term Fieldwork. *Anthropological Journal on European Cultures*. 3 (2): 99-116.
- Lattuada M., Albrecht Ch., Wilke T. 2019. Differential Impact of Anthropogenic Pressures on Caspian Sea Ecoregions. *Marine Pollution Bulletin*. 142: 274-281.
- Lim Ch., Matsuda Y, Shigemi Yu. 1995. Co-Management in Marine Fisheries: The Japanese Experience. *Coastal Management*. 23 (3): 195–221.
- Lobe K., Berkes F. 2004. The Padu System of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*. 28: 271–281.
- Miller L. L. 1997. Not Just Weapons of the Weak: Gender Harassment as a Form of Protest for Army Men. *Social Psychology Quarterly*. 60 (1): 32–51.
- Morgan D. H. J. 1972. The British Association Scandal: The Effect of Publicity on a Sociological Investigation. *Sociological Review*. 20 (2): 185–206.
- Morgan D. H. J. 1975. Autonomy and Negotiation in an Industrial Setting. *Sociology of Work and Occupations*. 2 (3): 203–226.
- Morgan D.H. J. 1981. Men, Masculinity and the Process of Sociological Enquiry. In: Roberts H. (ed.). *Doing Feminist Research*. London: Routledge & Kegan Paul; 83–113.
- Pandey T. N. 1972. Anthropologists at Zuni. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 116 (4): 321-337.
- Radin M. J. 1996. *Contested Commodities*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Russell L. 2005. It's a Question of Trust: Balancing the Relationship Between Students and Teachers in Ethnographic Fieldwork. *Qualitative Research*. 5 (2): 181-199.
- Sampson H. 2004. Navigating the Waves: The Usefulness of a Pilot in Qualitative Research. *Qualitative Research*. 4 (3): 383–402.
- Sandberg S., Copes H. 2013. Speaking with Ethnographers: The Challenges of Researching Drug Dealers and Offenders. *Journal of Drug Issues*. 43 (2): 1–22.
- Sluka J. A. 2012. Reflections on Managing Danger in Fieldwork: Dangerous Anthropology in Belfast. In: Robben A., Sluka J. (eds). *Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader*. 2nd ed. Oxford: John Wiley & Sons; 259-271.
- Spiro M. E. 1996. Postmodernist Anthropology, Subjectivity, and Science: A Modernist Critique. *Comparative Studies in Society and History*. 38 (4): 759–780.
- Steiner P., Trespeuch M. 2019. Contested Markets: Morality, Market Devices, and Vulnerable Populations. In: Schiller-Merkens S., Balsiger P. (eds) *The Contested Moralities of Markets* (Research in the Sociology of Organizations. Vol. 63). Bingley: Emerald Publishing Limited; 31-48.

- Strukova E., Guchgeldiyev O. 2010. *Study of the Economics of Bio-Resources Utilization in the Caspian*. Report to Caspian Environment Programme, published by World Bank.
- Svolkinas L. et al. 2020. Natural «Remedies» for COVID-19 as a Driver of the Illegal Wildlife Trade. *Орух*. 54 (5): 601–602.
- Vidich A. J., Bensman J. 1958. *Small Town in Mass Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Warwick D. P. 1973. Tearoom Trade: Means and Ends in Social Research. *The Hastings Center Studies*. 1 (1): 27–38.
- Wax R. H. 1979. Gender and Age in Fieldwork and Fieldwork Education: No Good Thing is Done by Any Man Alone. *Social Problems*. 26 (5): 509–522.
- Willerslev R. 2007. *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukaghirs*. Berkeley: University of California Press.
- Zaitch D. 2002. *Trafficking Cocaine: Colombian Drug Entrepreneurs in the Netherlands*. The Hague: Kluwer Law International.

Ilya Ermolin, Linas Svolkinas, Pavel Suvorkov, George Holmes, Simon J. Goodman

Fieldwork Challenges Stemming from Doing Studies in Illegal Wildlife Trade (IWT)

ERMOLIN, Ilya — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Sociology, HSE University. Address: Sedova str., 55/2, 192148, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: iermolin@hse.ru

SVOLKINAS, Linas — PhD student, Sustainability Research Institute at the School of Earth and Environment, School of Biology, University of Leeds, UK, Address: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK.

Email: eelsv@leeds.ac.uk

SUVORKOV, Pavel — Intern Researcher, Institute of Demography, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: psuvorkov@hse.ru

HOLMES, George — PhD in Geography, Associate Professor, Sustainability Research Institute at the School of Earth and Environment, University of Leeds, UK. Address: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK.

Email: G.Holmes@leeds.ac.uk

GOODMAN, Simon J. — PhD in Genetics, Lecturer, School of Biology, University of Leeds, UK. Address: Woodhouse Lane, Leeds LS2 9JT, UK.

Email: S.J.Goodman@leeds.ac.uk

Abstract

This article presents the authors' self-reflections on the challenges they faced as researchers during their long-term study of the illegal wildlife trade of sturgeon meat and caviar and Caspian seals' skins and oil that they carried out from 2012 to 2019. The authors focus on the following main topics: personal health and security issues resulting from the activities of the police and the Federal Security Service, the recruitment and training of local assistants and university students, intergenerational and gender gaps that exhibit a strong influence on the development of trust between researchers and respondents, the network density of market dynamics and speed of communication through the market, and the shift in environmental legal regulations as an influence on current studies. In addition, the authors stress the lack of appropriate infrastructure to conduct systemic data collection and local populations' unawareness of research fieldwork on social and economic issues ever undertaken in the areas under study. The authors show that for the study of informal economy activities to prove successful, several points should be identified: first, the formation of identity to be considered acceptable in the local community so that the researcher is perceived as a member of the community; second, the influence of gender boundaries on research driven by the ever-increasing complexity of social interactions set in different social and cultural contexts; and, third, time and funding as two of the most important things that should be taken into account when planning field studies, depending on how strong the illegality is and whether assistants are ready to face "others" from their own community.

Keywords: illegal market; field research methodology; littoral Caspian Sea states; health and security issues; identity of researcher; gender gap; intergenerational gap; research funding; time allocation.

Acknowledgements

The authors would like to thank the Mohammed bin Zayed Conservation Fund (Grants no. 12253827 and 13257683), the Committee for Exploration and Research of the US National Geographic Society (Grant no. W 271-13) and US Marine Mammals Commission Research for the financial support that made possible fieldwork in Russia.

References

- Beckert J., Wehinger F. (2013) In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology. *Socio-Economic Review*, vol. 11, no 1, pp. 5–30.
- Bell S., Hampshire K., Topalidou S. (2007) The Political Culture of Poaching: A Case Study from Northern Greece. *Biodiversity and Conservation*, vol. 16, no 2, pp. 399–418.
- Bentam I. (1998) *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Berkes F. (1986) Local Level Management and the Commons Problem: A Comparative Study of Turkish Coastal Fisheries. *Marine Policy*, vol. 10, pp. 215–229.
- Blackman S. J. (2007) Hidden Ethnography. Crossing Emotional Borders in Qualitative Accounts of Young People's Lives. *Sociology*, vol. 41, no 4, pp. 699–716.
- Blau P. M. (1964) The Research Process in the Study of The Dynamics of Bureaucracy. *Sociologists at Work* (ed. P. Hammond), New York: Basic Books, pp. 16–49.
- Blommaert J., Jie D. (2010) *Ethnographic Fieldwork: A Beginner's Guide*, Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters.
- Bourdieu P. (2005) Algerian landing. *Ethnography*, vol. 5, no 4, pp. 415–443.
- Brymer R. (1991) The Emergence and Maintenance of a Deviant Sub-Culture: The Case of Hunting/Poaching Subculture. *Anthropologica*, vol. 33, no 1–2, pp. 177–194.
- Bunnefeld N., Edwards C. T., Atickem A., Hailu F., Milner-Gulland E. J. (2013) Incentivizing Monitoring and Compliance in Trophy Hunting. *Conservation Biology*, vol. 27, no 6, pp. 1344–1354.
- Burgess R. (2006) *In the Field: An Introduction to Field Research*, London; York: Routledge.
- Castells M. (1999) Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography*, vol. 20, no 4, pp. 294–302.
- Codere H. (1970) Field Work in Rwanda, 1959–1960. *Women in the Field: Anthropological Experiences* (ed. P. Golde), Chicago: Aldine, pp. 141–164.
- Davydov V. N., Zhuravskaia T. N. (2019) Gosudarstvo i ispol'zovanie resursov: vvedenie [The State and the Use of Resources: Introduction]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 5–12 (in Russian).
- Denzin N. K. (1989) *Interpretive Biography*, Newbury Park, CA: SAGE Publications.
- Denzin N. K. (2009) *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*, New York: Aldine Transaction.
- Diamond S. (1974) Anthropology in Question. *Reinventing Anthropology* (ed. H. Dell), New York: Vintage Books, Random House, pp. 401–429.

- Dioun C. (2017) Making the Medical Marijuana Market. *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy* (eds. J. Beckert, M. Dewey), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 159-176
- Ditton J. (1977) *Part Time Crime: An Ethnography of Fiddling and Pilferage*, London: Macmillan.
- Dmitrieva L., Kondakov A. A., Oleynikov E., Kydyrmanov A., Karamendin K., Kasimbekov Y., Goodman S. J. (2013) Assessment of Caspian Seal By-Catch in an Illegal Fishery Using an Interview-Based Approach. *PLOS ONE*, vol. 8, no 6, pp. 1–7.
- Dunlap E., Johnson B. D. (1999) Gaining Access to Hidden Populations: Strategies for Gaining Cooperation of Sellers/Dealers in Ethnographic Research. *Drugs and Society*, vol. 14, no 1/2, pp. 127–149.
- Easterday L., Papademas D., Schorr L., Valentine C. (1977) The Making of a Female Researcher: Role Problems in Field Work. *Urban Life*, vol. 6, no 3, pp. 333–348.
- Erikson K. T. (1967) A Comment on Disguised Observation in Sociology. *Social Problems*, vol. 14, no 4, pp. 366–373.
- Erikson K. T. (1968) On the Ethics of Disguised Observation: A Reply to Denzin. *Social Problems*, vol. 15, no 4, pp. 505–506.
- Ermolin I. V. (2019) Predumyshlennyy prilov Kaspiyskogo tyulenja i razvitie nelegal'nogo rynka bioresursov v Dagestane: ekonomiko-sociologicheskij podkhod [Deliberate By-Catch of the Caspian Seal and the Development of Illegal Wildlife Trade (IWT) in Dagestan, Russia: A Socio-Economic Approach]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sociologiya*, vol. 20, no 1, pp. 83–122. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2019-20-1/237367666.html> (accessed 23 December 2021) (in Russian).
- Ermolin I., Svolkinas L. (2016) Who Owns Sturgeon in the Caspian? New Theoretical Model of Social Responses Towards State Conservation Policy. *Biodiversity and Conservation*, vol. 25, no 14, pp. 2929–2945.
- Ermolin I., Svolkinas L. (2018) Assessment of the Sturgeon Catches and Seal Bycatches in an IUU Fishery in the Caspian Sea. *Marine Policy*, vol. 87, pp. 284–290.
- Ermolin I. V., Suvorkov P. E. (2020) *Na puti k teorii «avtonomnogo» soobshhestva: eks-polyarnye ekonomicheskie struktury pribrezhnogo rybolovstva na yuge Rossii* [Towards the Theory of the Autonomous Community: Ex-Polar Economy Structures in Coastal Fishing in Southern Russia]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 2, pp. 156–178. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/10704> (accessed 23 December 2021) (in Russian).
- Fabinyi M. (2012) *Fishing for Fairness: Poverty, Morality and Marine Resource Regulation in Philippines*, Canberra: ANU Epress.
- Gambetta D. (2009) *Codes of the Underworld: How Criminals Communicate*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gavrilova K. A. (2019) Opasnoe prirodopol'zovanie: rybnye resursy i nostal'giya po gosudarstvu v Barents-regione [The Danger of Natural Resource Use: Fishery, King Crab and Nostalgia for the State in the Barents Region]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 13–28 (in Russian).

- Geertz K. (2004) *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Grasmick H. G., Bursik R. B., Jr. (1990) Conscience, Significant Others, and Rational Choice: Extending the Deterrence Model. *Law and Society Review*, vol. 24, no 3, pp. 837–861.
- Halemba A., Donahoe B. (2008) *Local Perspectives on Hunting and Poaching*. Research Report for WWF Russia Altai-Saian Ecoregion, pp. 1–33.
- Hammersley M., Atkinson P. (1995) *Ethnography: Principles and Practice*, London: Routledge.
- Hampshire K., Bell S., Wallace G., Stepukonis F. (2004) Real Poachers and Predators: Shades of Meaning in Local Understandings of Threats to Fisheries. *Society and Natural Resources*, vol. 17, no 4, pp. 305–318.
- Harding D. J. (2009) Violence, Older Peers, and the Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods. *American Sociological Review*, vol. 74, no 3, pp. 445–464.
- Howell N. (1990) *Surviving Fieldwork: A Report of the Advisory Panel on Health and Safety in Fieldwork*, Washington, DC: American Anthropological Association.
- Hübschle A. M. (2015) *A Game of Horns: Transnational Flows of Rhino Horn*. PhD thesis, Universität zu Köln.
- Hübschle A. M. (2017) Contested Illegality: Processing the Trade Prohibition of Rhino Horn. *The Architecture of Illegal Markets. Towards an Economic Sociology of Illegality in the Economy* (eds. J. Beckert, M. Dewey), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 177–197.
- Jacques S., Wright R. (2010) Dangerous Intimacy: Toward a Theory of Violent Victimization in Active Offender Research. *Journal of Criminal Justice Education*, vol. 21, no 4, pp. 503–525.
- Johnson A. (1978) *Quantification in Cultural Anthropology*, Stanford: Stanford University Press.
- Johnson J. M. (2002) In-Depth Interviewing. *Handbook of Interview Research: Context & Method*, (eds. J. F. Gubrium, J. A. Holstein), Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, pp. 103–119.
- Kazenin K. I. (2014) Perspektivy institutsional'nogo podkhoda k yavleniyu poliyuridizma: na primere Severnogo Kavkaza [Perspectives of the Institutional Approach to Legal Pluralism: The Case of North Caucasus]. *Economic Policy = Ekonomicheskaya Politika*, no 3, pp. 178–198 (in Russian).
- Koepping E. (1994) Trust and Its Abuse in Long-Term Fieldwork. *Anthropological Journal on European Cultures*, vol. 3, no 2, pp. 99–116.
- Kuzminov Ya. I., Radaev V. V., Yakovlev A. A., Yasin E. G. (2005) Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashhivaniyu [Institutions: From Borrowing to Growing], *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 5–27 (in Russian).
- Lattuada M., Albrecht Ch., Wilke T. (2019) Differential Impact of Anthropogenic Pressures on Caspian Sea Ecoregions. *Marine Pollution Bulletin*, vol. 142, pp. 274–281.
- Lim Ch., Matsuda Y., Shigemi Yu. (1995) Co-Management in Marine Fisheries: The Japanese Experience. *Coastal Management*, vol. 23, no 3, pp. 195–221.

- Lobe K., Berkes F. (2004) The Padu System of Community-Based Fisheries Management: Change and Local Institutional Innovation in South India. *Marine Policy*, vol. 28, pp. 271–281.
- Miller L. L. (1997) Not Just Weapons of the Weak: Gender Harassment as a Form of Protest for Army Men. *Social Psychology Quarterly*, vol. 60, no 1, pp. 32–51.
- Morgan D. H. J. (1972) The British Association Scandal: The Effect of Publicity on a Sociological Investigation. *Sociological Review*, vol. 20, no 2, pp. 185–206.
- Morgan D. H. J. (1975) Autonomy and Negotiation in an Industrial Setting. *Sociology of Work and Occupations*, vol. 2, no 3, pp. 203–226.
- Morgan D. H. J. (1981) Men, Masculinity and the Process of Sociological Enquiry. *Doing Feminist Research* (ed. H. Roberts), London: Routledge & Kegan Paul, pp. 83–113.
- Osetrova E. (2011) Slukhi v sovremennoy sotsiokul'turnoy srede: istoriograficheskiy obzor [Rumors Placed in the Modern Socio-Cultural Environment: A Historiographic Review]. *Forum for Anthropology and Culture = Antropologicheskij forum*, no 15, pp. 55–82 (in Russian).
- Pandey T. N. (1972) Anthropologists at Zuni. *Proceedings of the American Philosophical Society*, vol. 116, no 4, pp. 321–337.
- Portes A. (2003) Neformal'naya ekonomika i ee paradoksy [The Informal Economy and Its Paradoxes]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sociologiya*, vol. 4, no 5, pp. 34–54. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (accessed 9 January 2019) (in Russian).
- Radin M. J. (1996) *Contested Commodities*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Rakhmanova L. Ya. (2019) Rybaki i kontroliruyushchie instantsii na Obi: pravoprimerenie v teni lokal'nykh pravil igry [Fishermen and Supervisory Instances on the Ob' River: Law Enforcement in the Shadow of Local Rules of the Game]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 45–60 (in Russian).
- Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Life-Story Approach in Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Russell L. (2005) It's a Question of Trust: Balancing the Relationship Between Students and Teachers in Ethnographic Fieldwork. *Qualitative Research*, vol. 5, no 2, pp. 181–199.
- Salins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone-Age Economy], Moscow: OGI (in Russian).
- Sampson H. (2004) Navigating the Waves: The Usefulness of a Pilot in Qualitative Research. *Qualitative Research*, vol. 4, no 3, pp. 383–402.
- Sandberg S., Copes H. (2013) Speaking with Ethnographers: The Challenges of Researching Drug Dealers and Offenders. *Journal of Drug Issues*, vol. 43, no 2, pp. 1–22.
- Shanin T. (1999) Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoy Rossii [Ex-Polar Structures and Informal Economy in Present-Day Russia]. *Neformal'naya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and Beyond] (ed. T. Shanin), Moscow: Logos, pp. 11–32 (in Russian).

- Sluka J. A. (2012) Fieldwork Conflicts, Hazards and Dangers. *Ethnographic Fieldwork: An Anthropological Reader* (eds. A. Robben, J. A. Sluka), 2nd ed., Oxford: John Wiley & Sons.
- Spiro M. E. (1996) Postmodernist Anthropology, Subjectivity, and Science: A Modernist Critique. *Comparative Studies in Society and History*, vol. 38, no 4, pp. 759–780.
- Starodubrovskaja I. V. (2016) Sotsialnaya transformatsiya i mezhpokolencheskiy konflikt (na primere Severnogo Kavkaza) [Social Transformation and Intergenerational Conflict (The Example of North Caucasus)]. *Social Sciences and Contemporary World = Obschestvennyie nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 111–124 (in Russian).
- Steiner P., Trespeuch M. (2019) Contested Markets: Morality, Market Devices, and Vulnerable Populations. The Contested Moralities of Markets. *Research in the Sociology of Organizations*, vol. 63 (eds. S. Schiller-Merkens, P. Balsiger), Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 31–48.
- Strukova E., Guchgeldiyev O. (2010) *Study of the Economics of Bio-Resources Utilization in the Caspian*. Report to Caspian Environment Programme, published by World Bank.
- Svolkinas L., Goodman S. J., Holmes G., Ermolin I., Suvorkov P. (2020) Natural ‘Remedies’ for COVID-19 as a Driver of the Illegal Wildlife Trade. *Oryx*, vol. 54, no 5, pp. 601–602.
- Vasilyeva V. V. (2019) Infrastruktura vne gosudarstva: “dikie” zimniki i vyvoz promyslovoy produktsii na Taymyre [Infrastructure beyond the State: “Wild” Winter Roads and Export of Fishery and Hunting Goods in the Taimyr Peninsula]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 4, pp. 61–75 (in Russian).
- Vidich A. J., Bensman J. (1958) *Small Town in Mass Society*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Warwick D. P. (1973) Tearoom Trade: Means and Ends in Social Research. *The Hastings Center Studies*, vol. 1, no 1, pp. 27–38.
- Wax R. H. (1979) Gender and Age in Fieldwork and Fieldwork Education: No Good Thing is Done by Any Man Alone. *Social Problems*, vol. 26, no 5, pp. 509–522.
- Willerslev R. (2007) *Soul Hunters: Hunting, Animism, and Personhood Among the Siberian Yukaghirs*, Berkeley: University of California Press.
- Zaitch D. (2002) *Trafficking Cocaine: Colombian Drug Entrepreneurs in the Netherlands*, The Hague: Kluwer Law International.

Received: February 22, 2021

Citation: Ermolin I., Svolkinas L., Suvorkov P., Holmes G., Goodman S. J. (2022) Metodologicheskie vyzovy polevykh issledovaniy nelegal'nogo rynka bioresursov [Fieldwork Challenges Stemming from Doing Studies in Illegal Wildlife Trade (IWT)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 125–153. doi: 10.17323/1726-3247-2022-1-125-153 (in Russian).